

ОДИССЕЙ

человек в истории

Самозванчество как
социокультурный феномен

В этом номере:

Из истории
средневекового портрета

История эмоций

История образования

2024 №1-2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Fraudsters, Impostors and
Imposture as a Sociocultural
Phenomenon*

2024

Moscow
IWH RAS
2024

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Мошенники, самозванцы
и самозванчество как
социокультурный феномен*

2024

Москва
ИВИ РАН
2024

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

*Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем*

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. ред.; отв. секретарь),
О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Б.Н. МОРОЗОВ
кандидат исторических наук М.А. ВЕДЕШКИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.

ISSN 1607-6184

2024. №№1-2 (32-33): Мошенники, самозванцы и самозванчество как социокультурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2024. №№1-2 (32-33). – 433 с.

В двудесятом номере за 2024 год представлены тексты о мошенниках и самозванцах, встречавшихся всюду, от России до Бразилии. Авторы уделяют пристальное внимание социокультурным аспектам этого феномена при реконструкции коммуникаций и актуализируемых повседневных практик в общении самозванцев с различными социальными группами.

Изучению визуальной культуры Средневековья посвящена статья Д. Олариу, в которой посмертные портреты рассматриваются в контексте коммеморативных практик. В номере также представлены статьи по истории Скандинавистики, истории образования, социальной истории и истории эмоций. Раздел рецензий знакомит читателя с сюжетом крестоносного цикла о Рыцаре Лебеда и с новым переводом на русский язык датских хроник.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей.

© Коллектив авторов, 2024

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2024

© Институт всеобщей истории РАН, 2024

И.А. Миролюбов

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ЧЛЕНАМИ ЕГО СЕМЬИ

DOI 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-2

Аннотация. Дом Константина Великого – одна из самых значимых императорских династий в истории Римской империи. История этой императорской фамилии начинается с правления императора Констанция Хлора (правил в 293–305 гг.), однако его сын Константин в 310 г. объявил о том, что родоначальником фамилии был император Клавдий Готский (правил в 268–270 гг.). Большинство современных исследователей считают данную генеалогическую конструкцию фикцией. На первый план выходит изучение причин, побудивших Константина к выбору этого «предка», а также тех средств, которыми император подкреплял данную генеалогическую схему.

В статье рассматриваются сообщения официальных источников о родстве дома Константина с Клавдием Готским, а также предположения древних авторов о степени этого родства. Их разнообразие обусловлено нечеткостью официальных данных: Клавдий в них был представлен как «avus» Константина, т.е. либо его дед, либо предок в общем смысле слова. Также в статье уделено внимание восприятию своей родословной членами дома Константина – его братьями, сыновьями и племянником Юлианом. Данные источников позволяют утверждать, что представители династии соглашались с выдвинутой Константином версией о родстве, но, как и он, не комментировали саму степень этого родства. Кроме того, Юлиан даже пытался представить себя более достойным потомком Клавдия Готского, нежели его дядя.

Ключевые слова. Константин Великий, Клавдий Готский, Юлиан Отступник, римские императоры, Поздняя Римская империя, просопография Поздней Римской империи, римская аристократия.

Ко времени установления императорской власти в Древнем Риме большинство старинных аристократических родов исчезло, однако новая аристократия – выходцы из всаднических родов Италии и ряда романизированных провинций, – все же старалась поддерживать моду на пышные родословные. Наряду с сенаторскими родословными, в которых отмечалось время вхождения семейства в сенаторское сословие, а также тщательно подсчитывались предки-

сенаторы и консулы¹, существуют и генеалогии, восходящие к мифологическим персонажам. Так, императору Марку Аврелию приписывали родство с вторым римским царем Нумой и неким царем Малемнием (Eutrop. Brev. VIII.9.1; SHA M. Anton. Philosoph. 1.6), а Маний Ацилий Глабрион, консул 186 г., претендовал на происхождение от героя Энея (Herod. Hist. post Marc. II.3.4). Генеалогические конструкции использовались и в политической плоскости: император Септимий Север включил себя в семью Марка Аврелия, а сыновьям дал использовавшееся им имя «Антонин». Императорская родословная Севера, восходившая через Марка Аврелия к линии императоров II в., существовала параллельно с семейной², так что это не было формой самозванства, но создало любопытный прецедент – император был не усыновлен выдающимся предшественником, а самостоятельно включил себя в его семью, чтобы подчеркнуть свое политическое преемство.

В III в. Римскую империю охватил кризис, характеризующийся ослаблением центральной власти в лице одного императора. Региональные элиты и приграничные гарнизоны в это время выдвигали своих претендентов на титул, «солдатских императоров»³. Отчасти это обстоятельство характеризует и духовных, мировоззренческий кризис. Несмотря на пристальное внимание римлян к происхождению своих политических лидеров, все же немалую роль в публичном образе политика играли его личные качества. Это, в свою очередь, позволяло добиваться высокого положения людям, знатностью не располагавшим (те, кого в эпоху Республики именовали *homines novi*). Однако в условиях перманентной борьбы усиления одного конкретного правителя, равно как и его личные качества, фактически обесцениваются: мятежи лишают власти как многих случайных претендентов на титул, так и деятельных государственных мужей. В этой ситуации императоры и узурпаторы прояв-

¹ В «Истории августов», сборнике биографий императоров II–III вв., такие родословные представлены в жизнеописаниях Адриана (SHA Hadr. 1.1–2) и Антонина Пия (SHA Anton. Pius 1), выходцев из испанского и галльского сенаторских семейств соответственно. Пользуемся изданием этого источника в русском переводе С.П. Кондратьева: Властелины Рима. 1992.

² В официальных надписях император Септимий Север именовался «братом» императора Коммода, «сыном» Марка Аврелия, «внуком» Антонина Пия и т.д., вплоть до императора Нервы. Примеры таких надписей: ILS 418; 420; 422. При этом император почтил своих предков статуями (SHA Sev. 14.4); известна также надпись в честь его отца, Публия Септимия Геты (ILS 439).

³ Циркин. 2010: 271–288.

ляли немалую изобретательность в вопросах своей легитимации. Активно занимаются они и конструированием своих родословных, возводя их к персоналиям эпохи Республики⁴ или даже восточным царским династиям⁵. Подобная практика может рассматриваться как форма самозванства, коль скоро на смену знатности по происхождению приходит фиктивная знатность, основанная на генеалогических фальсификациях. Прошлое, олицетворяемое фигурами именитых предков, при этом приобретало черты «золотого века», а лидер через фиктивное родство обозначал свою способность к этому славному прошлому вернуться.

Системный кризис III в. завершился установлением единоличной власти императора Диоклетиана. Сын вольноотпущенника, патроны которого – семейство Ануллинов – присутствовали в сенате⁶, Диоклетиан решительно отверг сложные генеалогические построения и установил меритократию. Созданная Диоклетианом политическая система подразумевала совместное правление двух императоров, чьими покровителями были Юпитер и Геркулес; императоры выбирали себе преемников из числа опытных полководцев, т.е. под покровительством двух божеств мог оказаться любой достойный и способный руководитель⁷. В рамках этой системы к власти было приведено несколько поколений правителей, однако с уходом Диоклетиана из политики в 305 г. созданная им структура столкнулась с кризисом, который привел к затяжному конфликту между многочисленными претендентами на титул. В рамках этой борьбы вновь, как и в III в., оказался актуален вопрос легитимации. Константин Великий, один из молодых императоров пост-диоклетиановского времени, предложил вновь перейти к династизму: он стал акцентировать внимание на своем отце, императоре Констанции Хлоре⁸. Однако сыновья были и у некоторых других императо-

⁴ Сведения о происхождении императорского дома Гордианов от семейства Семпрониев Гракхов мы находим в биографии трех Гордианов в сборнике «История августов» (SHA Gord. tres 2.2). Комментарий к этой генеалогии: *Молчанов*. 2010: 277–285.

⁵ Родословная узурпатора Иотапиана: *Körner*. 2002: 278–279.

⁶ *Уильямс*. 2014: 25–27. О видном представителе этой сенаторской семьи, консуле 295 г.: *Миролюбов*. 2022: 212–221.

⁷ *Kolb*. 1987: 10–114; *Уильямс*. 2014: 79–92; *Миролюбов*. 2021: 52–77.

⁸ В рамках учрежденной Диоклетианом тетрархии 293 г. Констанций в статусе цезаря (младшего соправителя) контролировал Галлию и Британию (которую он вернул под контроль центрального правительства после узурпации Караузия и Аллекта). В 305 г., с отречением Диоклетиана и его равноправного

ров этого времени. Соответственно, наличие августейшего отца не было уникальным свойством Константина и ставило его в один ряд с другими претендентами. В этой ситуации Константин и обратился к генеалогическому конструированию.

Идеологемы императорской власти Константина объяснялись посредством монетной чеканки, т.к. уже на начало правления, в 306 г., под его контролем находились монетные дворы в Лондини (совр. Лондон), Августе Треверов (совр. Трир), Арелате (совр. Арль). Также в его распоряжении была мощная риторическая школа, существовавшая в Галлии еще с I в.⁹ Соответственно, ряд установок отразился в панегириках – торжественных речах, произносившихся в честь императора по случаю каких-либо торжеств. В панегирике 307 г. по случаю свадьбы Константина прославляется его отец, обожествленный к тому времени Констанций Хлор. Анонимный оратор с удовольствием отмечает сходство Константина с отцом – как внешнее, так и в смысле характеров (Pan. Lat. 6.3.3¹⁰). В 310 г. другой оратор, произнося речь в честь Константина, сообщает о «божественном основателе» его рода, о котором «многим до сих пор неизвестно», хотя близкие к императору лица «прекрасно о нем знают» (Pan. Lat. 7.2.1–3). Предком оказался император Клавдий Готский, правивший в 268–270 гг. Он был первым за долгое время императором, погибшим своей смертью¹¹; к тому же в годы правления он успел одержать большую победу над готами, давшую ему прозвище. Это сражение произошло близ Наисса, родного города Константина¹². Тем интереснее это сообщение о родстве. Оратор ничего определенного не говорит о его степени. Выражение *avita cognatio*, которое он использовал, расплывчато, так как *avus* – это и дед, и предок в общем смысле этого слова¹³, но даже это сло-

соправителя Максимиана Геркулия, Констанций получил титул августа и формально стал правителем западной части Римской империи (восточную часть контролировал его коллега, император Галерий).

⁹ Состязания ораторов проводил в галльском Лугдуне еще император Калигула (Suet. Calig. 20). Общий обзор школы риторики в Галлии: *Nixon, Rodgers*. 1994: 3–8.

¹⁰ Пользуемся изданием источника с русским переводом и комментариями И.Ю. Шабаги: Латинские панегирики. 2016. Перевод источника приводим по данному изданию.

¹¹ *Wienand*. 2012: 235–236. Краткий биографический очерк: *Грант*. 1998: 207–209.

¹² О кампании: *Буданова*. 1999: 123–127.

¹³ *Nixon, Rodgers*. 1994: 219.

во оратор не применяет к Клавдию. Другой оратор, представитель галльского города Августодуна (совр. Отен), в своем выступлении в 311 (или 312) г.¹⁴ дважды использовал для обозначения Клавдия примерно такое же общее слово *agens*, т.е. родитель (Pan. Lat. 8.2.5; 4.2). Таким образом, мы должны отметить, что в 310 г. Константин озвучил свою претензию на родство с императором, который правил за 40 лет до того. Выбранная форма публикации – выступление придворного оратора, – не свидетельствует о трудности распространения содержащейся в речи информации. Панегирики в честь императоров после произнесения публиковались, так как они становились руководствами и образцами для аналогичных выступлений представителей других риторических школ¹⁵. Таким образом, Константин мог надеяться, что озвученная в речи претензия на родство будет растиражирована и станет известна хотя бы на латиноязычном западе Римской империи. Сообщение о родстве было представлено публике без конкретики. Мы могли бы ожидать от самого Константина комментариев по поводу родственной связи, тем более что до нашего времени сохранился значительный объем его посланий и речей. Однако таковых комментариев Константин не давал. Официальные источники тоже предлагают нам весьма скудные разъяснения. В надписях периода правления Константина император назван «сыном божественного Констанция и перос божественного Клавдия» (CIL XI.9 = ILS 699; CIL VI.31564 = ILS 709). Следует учесть, что слово «перос» может обозначать как «внука», так и «племянника», «внучатого племянника». Основываясь на сообщении панегириста об «*avita cognatio*» и линейной схеме, представленной в надписи (Константин, сын Констанция, перос Клавдия), здесь перос предпочтительно перевести как «внук». Следует ли из этого, что Клавдий Готский считался дедом Константина по прямой линии, т.е. отцом его отца?

За разъяснениями мы могли бы обратиться к выразителям позиции Константина. На всем протяжении своего правления император покровительствовал литераторам, благодаря чему наблюдается

¹⁴ Nixon, Rodgers. 1994: 255.

¹⁵ Шабига. 1997: 15–20; Körfer. 2020: 14–20. Сами галльские ораторы ориентировались на классиков латинской литературы и на панегирик Траяну, составленный сенатором Плинием Младшим в 101 г. О влиянии Плиния на авторов сборника «Латинских панегириков»: Pilar García-Ruiz. 2013: 195–216; Gibson, Rees. 2013: 217–240.

постепенное возрождение латинской словесности¹⁶ и появление жанра церковной грекоязычной историографии¹⁷. К числу авторов, близких к Константину, относятся христианский апологет Лактанций, придворный поэт Опатриан Порфирий, а также, после установления Константином своего контроля над восточными провинциями, епископ Кесарии Палестинской Евсевий. Лактанций в своем сочинении «О смертях гонителей» представил борьбу Константина за титул в первые семь лет его правления (306–313 гг.). В этой первой политической биографии Константина о Клавдии, равно как и о знатности главного героя, не сказано ничего; в панегирическом тоне, но с небольшой подборкой сведений упоминается лишь его отец, Констанций Хлор (*De mort. pers.* 8.7; 15.7; 18.10). Опатриан в своих стихах, датированных 320-ыми гг., изображает Клавдия как *austog imperii* дома Константина. Он называет «*proavus*», т.е. прадедом, применительно к сыновьям Константина (*Carin.* 8.11), что указывает на линейную схему: Клавдий – дед Константина и прадед его сыновей. После установления власти Константина над восточной частью империи возникла потребность в изложении сведений о нем для грекоязычной аудитории¹⁸. Около 330 г. была опубликована греческая биография Константина, составленная афинским аристократом Праксагором. Она сохранилась в пересказе Фотия (IX в.), из которого видно, что изложение начинается с ситуации в начале IV в., т.е. сведений о родословной Константина там, вероятно, представлено не было¹⁹. В это же время Евсевий издает очередную – финальную – редакцию своей «Церковной истории»²⁰, доведенной до установления единоличной власти Константина в 324 г. В ней, а также в изданной позже «Жизни Константина» он предла-

¹⁶ *Альбрехт.* 2005: 1407; *Cameron.* 2011: 399–420 (о «языческой» литературе в IV в.).

¹⁷ В лице, разумеется, Евсевия Кесарийского, чьими продолжателями в V в. были Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит: *Winkelman.* 2003: 3–41; *Leppin.* 2003: 219–254.

¹⁸ Константин до 305 г. жил при восточном дворе императоров Диоклетиана и Галерия; соответственно, в 305–324 гг. в восточных провинциях он не бывал.

¹⁹ Между тем, Праксагор из всех названных авторов был единственным знатоком аристократических генеалогий: среди его трудов упоминается история древних афинских царей. О нем: *Winkelman.* 2003: 14–15; *Scardino.* 2022: 614–615.

²⁰ О Евсевии Кесарийском как историографе Константина: *Миролюбов.* 2021: 83–99. Количество редакций «Церковной истории» является предметом научной дискуссии: *Corke-Webster.* 2019: 57–60.

гает общее замечание об августейшем происхождении предков императора (Hist. Eccl. X.8.4; Vita Const. I.50). Отметим, что оба раза знатность Константина упоминалась Евсевием в контексте его трудных взаимоотношений с зятем (мужем сестры) Лицинием²¹, императором с 308 г. и правителем восточных областей империи в 313–324 гг. Впрочем, никакой конкретики о родословной Евсевий не сообщает. Клавдий Готский известен ему как император, однако он упоминает его без всяких оценок в «Церковной истории» – исключительно как промежуточную фигуру римской истории в период между правлением Галлиена и Аврелиана (Hist. Eccl. VII.28.4).

Итак, согласно официальной позиции, выраженной в почетных надписях, Клавдий был «дедом» (или, в общем смысле слова – «предком») императора. При этом эпиграфический материал, благодаря многозначности слов «avus» и «peros», давал возможность выстроить разные варианты генеалогической связи. Придворная литература старалась не затрагивать этот момент, предпочитая молчать (Лактанций, Праксагор) и говорить общими словами (Евсевий); Опатиан же предложил прямую генеалогическую схему (Опатиан).

У позднейших авторов было свое видение родословной Константина. В середине IV века секретарь императора Валента Евтропий в написанном им кратком обзоре римской истории составил следующий вариант родословной: Констанций, «как передают», – перос Клавдия по дочери (Brev. X.22.1). Здесь слово перос без всякого сомнения означает уже внука: Констанций – сын дочери Клавдия Готского. Характерна ссылка «как передают» (traditur) – у читателя создается впечатление ссылки на некий источник, который, впрочем, не назван (само сообщение может быть авторской гипотезой, основанной на невнятных слухах или устных сообщениях). Генеалогическая схема по Евтропию выглядит так: Клавдий – дочь – Констанций (внук Клавдия) – Константин (правнук Клавдия) – сыновья Константина (праправнуки Клавдия). Примечательно то, что родословная схема усложняется за счет добавления одного поколения (в лице дочери императора Клавдия), но сохраняет линейную структуру. Однако мнение Евтропия не являлось общим. У Анонима Валезия, автора IV в., составившего латинскую биографию Константина (Origo Constantini imperatoris²²), Констанций

²¹ О свадьбе сестры Константина и Лициния: *Pohlsander*. 1993: 154.

²² Это сочинение, названное по имени первого издателя – Анри Валуа, является по ряду вопросов уникальным источником. Время его написания в

Хлор назван «перос по брату» Клавдия (Origo Const. imp. 1.1). Констанций здесь представлен либо племянником (сыном брата), либо внучатым племянником (внуком брата) Клавдия. Таким образом, наряду с четкой линейной схемой появляется и иной вариант, подразумевающий родство дома Константина с Клавдием через общего предка (отца Клавдия).

Усложнение родословной схемы, вероятно, было вызвано логичными вопросами, почему Констанций не стал преемником Клавдий Готского²³. Кроме того, внимательный историк не мог не отметить, что оба императора носили разные фамилии: у Клавдия – Аврелий Клавдий²⁴, у Констанция – Юлий²⁵, а с 293 г. – Флавий Валерий²⁶. Предложенные авторами варианты родословной, однако, мало что добавили к пониманию родства, так как имена брата и / или сестры Клавдия названы ими не были. Источники надежно фиксируют только одного брата Клавдия – Марка Аврелия Клавдия Квинтилла²⁷, который после его смерти некоторое время претендовал на императорскую власть. Попытку упорядочить гипотезы о родстве дома Константина с Клавдием Готским мы находим у анонимного автора сборника императорских жизнеописаний, написанного на рубеже IV–V вв. Этот источник, известный под заглавием «История августов», замечателен своими мистификациями и смелыми нагромождениями вымысла. «Блестяще» автор справился и с родословной дома Константина. Он сообщает о еще одном брате Клавдия Готского, некоем Криспе, у которого была дочь Клавдия. От этой Клавдии и некоего Евтропия, «знатнейшего мужа дарданского племени» якобы и появился на свет Констанций (SHA Claud. 13.2). Отметим, что Крисп, Клавдия и ее муж Евтропий не зафиксированы ни одним другим источником. Однако имена подобраны со значи-

рамках IV в. является предметом дискуссии: *Winkelmann*. 2002: 15–18.

²³ Вне зависимости от отношения императора к династическому принципу преемственности родственники в условиях кризиса III в. были весьма надежной опорой. Карьера Констанция началась уже после правления Клавдия; в его послужном списке нет никаких позиций, которые могли бы указывать на родство с императором: *Barnes*. 1982: 37.

²⁴ *Kienast*. 2004: 231.

²⁵ Наличие фамилии «Юлий» фиксирует у Констанция Аврелий Виктор (De caes. 39.24). Примечательно, что эту же фамилию будут носить двое сыновей Константина Великого (Констанций и Констант) и его младший брат, Констанций.

²⁶ *Kienast*. 2004: 280.

²⁷ *Kienast*. 2004: 233. Краткий биографический очерк: *Грант*. 1998: 209–211.

ем материала: Крипом звали старшего сына Константина, а Евтропией – его третью сестру. Родство через женщину позволило автору попутно объяснить разницу фамилий у императоров (фамилия «Евтропия» не названа), но автор этим не удовольствовался и приписал Клавдию фамилию «Флавий», которую носили все члены дома Константина (SHA Claud. 7.8). Фамилия эта ассоциировалась с семейством императора Веспасиана, и автор сообщает о том, что Клавдий расширил пространство храма рода Флавиев²⁸ (SHA Claud. 3.6). Автор, таким образом, не настаивает на происхождении дома Константина от Веспасиана, однако определенную связь между двумя императорскими фамилиями проводит. Однако и это ему кажется недостаточным: он приписывает Клавдию возможное происхождение из царского дома легендарной Трои (SHA Claud. 11.9). Исследователями высказывалось сообщение, что смелость, с которой автор формирует родословную, обусловлена насмешкой над генеалогическими претензиями Константина²⁹. Однако для этого мы должны предположить, что автор был убежден в их фиктивности. Это невероятно: ни один древний писатель не сомневается в факте родства. Автор «Истории августов» любит и ценит знатность своих персонажей и часто приписывает им знатное происхождение; Константин в этом смысле – не исключение³⁰. Смелость в данном случае, как кажется, может быть объяснена тем, что его вымысел все же не абсолютный, а основан на имеющихся данных, которые ему нужно лишь приукрасить. Этим дополнением автор явно увлекся: отсылка к семейству Веспасиана и возможное троянское происхождение превращали Константина в рафинированного аристократа, со знатностью которого смог бы потягаться не всякий римский сенатор.

Впрочем, предложенный анонимным автором вариант, благодаря своей очевидной гиперболичности, не получил развития у историков позднейшего времени. Популярностью пользовалась версия Евтропия, т.е. происхождение дома Константина от дочери Клавдия Готского. Евтропия читали христианские латинские историки Иероним и Орозий; в переводе на греческий язык он должен

²⁸ Этот храм был устроен императором Домицианом: *Richardson*. 1992: 181; его необходимо отличать от храма Веспасиана и Тита: *Richardson*. 1992: 412. Какие-либо работы в этом здании при Клавдии Готском неизвестны из других источников.

²⁹ *Bird*. 1997: 13–16.

³⁰ *Миролубов*. 2023: 817–819.

был быть известен и византийским авторам³¹. Так, Феофан (IX в.) и цитирующий его Иоанн Зонара (XII в.) пишут, что Констанций был сыном дочери («θυγατρίδοϋς») императора Клавдия (Theoph. Chron. A.M. 5796; Zon. Eritome hist. XII.31). Отметим, что греческим авторам удалось выпутаться из сложной ситуации, связанной с многозначностью латинского слова *peros*.

Итак, после Константина историки отвергли линейную схему, но не сам факт родства; они предложили его более сложный вариант. На наш взгляд, мы имеем дело с авторскими схемами, которые составлялись при отсутствии комментария самого императора и внятной источниковой базы (выше мы уже говорили о лаконичности надписей). Отметим, что Константину удалось утвердить свое родство с Клавдием в общественном мнении и исторической традиции³².

Обратимся к тому, как родство воспринималось внутри семьи самого Константина, который с 306 г. был главой большого семейства. На его попечении находились три брата (Далмаций, Констанций, Ганнибалиан) и три сестры (Констанция, Анастасия, Евтропия)³³ – старшему или старшей из них в это время было меньше 13 лет. Также у Константина уже был сын Крисп, рожденный то ли женой, то ли конкубиной Минервиной. В браке с Флавией Максимой Фаустой у него появилось сыновей и две дочери³⁴. Брат Ганнибалиан не упоминается в источниках после событий 306 г.; вероятно, он умер и не оставил заметного следа. Все остальные члены дома Константина активно включались им в его политические проекты: уже в 311 г. сестра Констанция была сосватана за правившего в Подунавье императора Лициния, а в 315 г. сестра Анастасия вышла замуж за сенатора Бассиана. Братья Далмаций и Констанций в 320-е гг. обзавелись семьями, так что к 337 г. у императора было

³¹ Альбрехт. 2005: 1505.

³² В настоящее время генеалогия признается исследователями несомненной фикцией: Grünwald. 1990: 45–50; Nixon, Rodgers. 1994: 218–220; Wienand. 2012: 234–241; Potter. 2013: 123–126; Doležal. 2022: 407–412. Впрочем, Ф. Шоссон, скрупулезно проанализировав имеющиеся источники, пришел к выводу, что прямых доказательств фиктивности в нашем распоряжении нет: Chausson. 2007: 25–95. См. ироничное замечание Т.Д. Барнса о большей пригодности аргументов Шоссона в современном суде, нежели чем в исследовании: Barnes. 2014: 208.

³³ Семейство императора Констанция Хлора: Barnes. 1982: 36–37.

³⁴ Семейство Константина Великого: Barnes. 1982: 42–43. Родословное древо дома Константина: Kienast. 2004: 381.

множество племянников и племянниц. В этой связи интересно взглянуть на то, как члены семьи Константина реагировали на его генеалогические конструкции, с помощью которых утверждались властные претензии дома.

Первое время после 306 г. братья Константина проживали в галльской Толозе. Вероятно, что о своем родстве с Клавдием Готским они могли услышать если не от брата, то от наставников, среди которых упоминается ритор Эмилий Магн Арборий, дядя поэта Авсония³⁵. Самое позднее с 326 г. Далмаций и Констанций уже входят в окружение старшего брата и заняты карьерой при дворе³⁶. Соответственно, пребывая при дворе, они не могли не быть в курсе династических построений: об этом гласили почетные надписи в честь Константина, а также сообщали панегиристы (их знакомые из среды галльских риторов и Оптатиан). Никаких фрагментов прямой речи братьев императора источники не дают, однако обратимся к ономастике. Юлий Констанций включает фамилию «Клавдий» в имена двух своих сыновей: это родившийся в 325 г. Флавий Клавдий Галл³⁷ и родившийся около 332 г. Флавий Клавдий Юлиан³⁸. Фамилия «Клавдий» не фиксируется ни у Констанция Хлора, отца Константина и его братьев, ни у них самих. Это, в свою очередь, указывает на то, что Юлий Констанций включил ее в имена сыновей в рамках согласия с взглядами брата на генеалогию их семейства (за скобками, впрочем, оставляем искренность его убежденности).

Сыновья самого Константина, несомненно, знали о своих предках. Панегирист 313 г. призывал Константина обеспечить империю преемниками – сыновьями (Pan. Lat. IX.26.4); само обучение и становление сыновей не оставляет сомнений в том, что их готовили к власти. Это значит, что на идеологемы, обосновывавшие претензии семейства на императорскую власть, их наставники обращали особое внимание. Автор «Истории августов» упоминает, что в доме императора были представлены скульптурные портреты «Клавдиев» – Клавдия Готского и его родственников (SHA Anton. Heliog. 2.4). Изображений Клавдия не зафиксировано среди дошедших до нашего времени скульптурных памятников эпохи Констан-

³⁵ Авсоний отмечает это в посвященном дяде стихотворении (De prof. Burd. 16.10–11).

³⁶ Об их карьере: *Ensslin*. 1929: 199–212; *Мирюлюбов*. 2021: 144–153.

³⁷ *Kienast*. 2004: 318. Позже, в бытность младшим соправителем своего кузена Констанция он также получит это имя и станет Флавием Констанцием.

³⁸ *Kienast*. 2004: 323.

тина, однако племянник Константина, Юлиан, в 350-ые гг. упоминает об изображениях Клавдия, достоверно передающих его внешний вид (Orat. 1.7a). Фамилия «Клавдий» фиксируется в имени второго сына императора, Константин-мл. (Флавий Клавдий Константин)³⁹; некоторые монеты фиксируют ее и у старшего сына, Криспа (Флавий Юлий Крисп, иногда – Флавий Клавдий Крисп)⁴⁰. Два сына были провозглашены Константином цезарями (своими младшими соправителями) 1 марта 317 г. в Сердике. В какой обстановке произошло провозглашение, неизвестно (источники указывают дату провозглашения), однако вскоре после него, в 317–319 гг. на всех подконтрольных Константину монетных дворах выходит серия монет в честь Констанция Хлора, Максимиана Геркулия (тестя Константина) и Клавдия Готского⁴¹. Императоры в надписях на монетах наделены почетными эпитетами, однако степень их родства с правящим императором и его сыновьями никак не прокомментирована.

Самостоятельное правление сыновей Константина известно отрывочно. Константин-мл. (носитель фамилии «Клавдий») погиб во время столкновения с братом Константином уже в 340 г.; данных об использовавшихся им идеологемах мало. Впрочем, из Келеи в Норике происходит надпись с пьедестала его статуи, где он назван абперос Клавдия Готского (ILS 723). Выбранное для обозначения родственной связи слово означает праправнука, т.е., в отличие от надписей времен Константина, в генеалогическую схему добавляется одно поколение. Р. Бёрджесс в своей статье об установлении власти сыновей Константина летом 337 г. убедительно доказывает⁴², что именно Константин-мл. инициировал чеканку коммеморативных монет в честь Елены и Феодоры, двух жен Констанция Хлора, своего деда (Елена приходилась Константину и его братьям бабушкой). Оставляя за скобками политический смысл этой чеканки, отметим, что она может указывать на интерес Константина-мл. к истории своего дома⁴³. Однако скудость сообщений источни-

³⁹ Kienast. 2004: 310.

⁴⁰ Kienast. 2004: 305–306.

⁴¹ Vagi. 1999: 452; 497; Миролубов. 2021: 94.

⁴² Burgess. 2008: 22–24; Woods. 2011: 193–195.

⁴³ Д. Вудс высказывает остроумную мысль, что, контролируя Галлию и Британию, Константин-мл. мог находиться под влиянием местных элит, знакомых с проживавшими здесь в свое время братьями Константина Великого: Woods. 2011: 195.

ков не позволяет говорить о том, насколько Константин-мл. проявлял интерес к фигуре именно Клавдия Готского.

Деятельность Константа, контролировавшего запад Римской империи в 340–350 гг., освещена источниками несколько лучше, чем правление его брата Константина-мл., но все же слабо. В 350 г. он погиб в результате мятежа узурпатора Магненция. Его брату Констанцию приснился сон, зафиксированный у позднего византийского автора Петра Патрикия: «отец его (Константин Великий. – *И.М.*) спускался к нему с высоты и держал за руку Константа, которого убил Магнентий; представляя его Константию, он, казалось, говорил ему: Вот Констант, потомок многих царей, мой сын и твой брат, злодейски умерщвленный. Не потерпи, чтобы царство было разделено, чтобы общественное устройство было разрушено; не пугайся угроз!» (FHG, vol. IV, p. 190)⁴⁴. Сон этот, несомненно, был идейным обоснованием необходимости похода Констанция против Магненция. Соответственно, в нем содержатся идеологема дома Константина, важнейшая из которых – сохранение власти и титулов в рамках семейства. Примечательно и указание на «многих царей» (т.е. императоров) – в устах Константина это является отсылкой к фигурам его самого, Констанция Хлора и Максимиана Геркулия (тестя Константина и, соответственно, деда его сыновей по материнской линии), а также, вероятно, Клавдия. Все эти фигуры упоминаются в родословных императора Констанция, датированных его правлением (CIL III.3705; 13392). В данных надписях он назван правнуком (pronepos) Клавдия. Таким образом, составители надписей в честь Констанция руководствовались моделью, заложенной надписями еще времен Константина, именовавшегося перос в значении «внука»⁴⁵. Сам Констанций, как и его отец, воздерживался от комментирования степени родства с Клавдием. Ритор Либаний в панегирике, произнесенном в честь Констанция и Константа, ничего не говорит о Клавдии, довольствуясь лишь упоминанием их отца, Константина, и деда, Констанция Хлора (Orat. 59.14–21). Также до нас дошло два панегирика, составленные кузеном Констанция, Флавием Клавдием Юлианом, будущим императором. В обоих Клавдий упомянут; приведем два фрагмента речей⁴⁶:

⁴⁴ Приводим перевод С.Ю. Дестуниса по изданию: Византийские историки. 1860.

⁴⁵ В отличие от его брата, Константина-мл., как было показано выше.

⁴⁶ Приводим перевод Л.И. Щеголевой по изданию: Император Юлиан. 2016: 9–123.

Ведь все твои предки <...> – императоры <...>. Мне следует вспомнить кое-что из древних времен, упомянуть Клавдия и представить всем очевидные свидетельства его добродетели: его борьбу против варваров, живущих за Истром; как он благочестиво и вместе с тем законно получил власть; его скромную жизнь во время царствования и, наконец, простую одежду, которую можно видеть на его изображениях (Iul. Orat. 1. 6b).

А наше (т.е. императорского дома. – *И.М.*) правление началось от Клавдия и, ненадолго прервавшись в середине, перешло к твоим дедам (Iul. Orat. 2.51b).

Эти сообщения интересны не только тем, что впервые нарратив о Клавдии получил развернутое оформление. Стоит обратить внимание также на акценты. Клавдий и дом Константина впервые обозначены в качестве единой династии («наше правление»), история которой содержит небольшую лакуну «в середине». Иными словами, правление Аврелиана, Тацита, Проба, Кара с сыновьями, Диоклетиана (270–305 гг.) Юлиан считает лакуной. Несомненное риторическое преувеличение было недопустимой вольностью с точки зрения хронологии истории Римской империи. Возможно, что именно стремление сократить эту лакуну, вкупе с необходимостью объяснить отсутствие взлета в карьере Констанция, побудило автора «Истории августов» записать императора Проба (SHA Prob. 3.3) в число родственников Клавдия. Затем интересна трактовка Юлианом провозглашения Клавдия. Приход Клавдия к власти был темным пятном его биографии: предыдущий император Галлиен⁴⁷ погиб в результате заговора, причем в нарративной традиции встречается мнение об участии в нем Клавдия⁴⁸. Однако Юлиан предлагает считать Клавдия легитимным преемником Галлиена. Соответственно, в литературе формируется нарратив о передаче власти Галлиеном Клавдию (у Аврелия Виктора и его продолжателя: Aug. Vict. De caes. 33.28; Eritome de caes. 34.2) или о его провозглашении сенатом (у Павла Орозия: Oros. Hist. VII.23.1). Кроме того, Юлиан фиксирует изображения Клавдия, достоверно передающих его внешний облик и привычки в выборе одежды. Все это указывает на то, что, несмотря на скудость источников, мы можем быть

⁴⁷ Краткий биографический очерк: Грант. 1998: 195–201.

⁴⁸ Циркин. 2009: 59.

уверены в формировании культа Клавдия в правление Константина, а также существовании этого культа в правление его сыновей (совершенно определено, в правление Констанция). Заявлением о «нашем правлении» Юлиан напоминает о своей принадлежности к правящему дому – дому, по сути, императора Клавдия.

В 360 г. Юлиан был провозглашен императором галльской армией. Констанций пытался ему противодействовать: возникший между ними конфликт велся и в идеологической сфере. Юлиан разослал в ряд крупных городов послания, в которых он критиковал кузена и его отца, своего дядю⁴⁹. Уничуждение Константина становится одной из идеологием правления Юлиана. В этой связи интересно задаться вопросом, осознавал ли он тот факт, что родственная связь императорской фамилии с Клавдием была сконструирована Константином. В имеющихся у нас надписях Юлиан указан без своих августейших предков. Возможно, это стоит приписать тому, что между ним и дедом Констанцием Хлором пришлось бы указывать имена кузена Констанция и дяди Константина, которые не могли быть им преданы забвению. Впрочем, фамилией «Клавдий», данной ему отцом, он пользуется охотно: она часто упоминается в надписях, причем даже в тех случаях, когда фамилия «Флавий» включается (AE 2000, 1136; CIL VI.1168).

К числу важнейших сочинений Юлиана, дающих представление о понимании им истории Римской империи и своего дома в частности, являются «Кронии» (или «Цезари»). Это сатирическое произведение изображает пир олимпийских богов, на который оказались приглашены и римские императоры. В их числе упомянут и Клавдий: «...удивились боги его великодушию и решили вручить власть его роду, поскольку справедливо, чтобы потомки мужа, толико возлюбившего отечество, властвовали в нем столь долго, сколь возможно» (Caes. 313 d)⁵⁰. Константин также появляется в этом произведении; Юлиан устами Силена высмеивает своего дядю, а после и вовсе изображает его и его сыновей мучимыми «за

⁴⁹ Об этом сообщает Аммиан Марцеллин (Res Gest. XXI.10.8). До нас дошло письмо Юлиана к городскому совету и народу Афин. Говоря в нем о предках, Юлиан упоминает своего отца, Юлия Констанция, и деда, Констанция Хлора, но не Клавдия (Ad Athen. 270c); впрочем, этого императора III в. в письме контекстуально не требовалось.

⁵⁰ Здесь и далее приводим текст «Кроний» в переводе Т.Г. Сидаша по изданию: Император Юлиан. 2016: 213–248.

кровь родственников⁵¹, пока Зевс не дал им отдых ради Клавдия и Констанция [Хлора]» (Caes. 336 b).

Из приведенных отрывков видно, что Юлиан вполне соглашается с генеалогической конструкцией Константина и даже начинает использовать ее в своих интересах. Династию он изображает линейной в течение двух поколений: Клавдий, потом Констанций Хлор (между ними – временная лакуна, не отодвинувшая, однако, дом от власти). При Констанции династия разветвилась и была представлена домом Константина (и его сыновей) и домом Юлиа Констанция, из которого произошел сам Юлиан. Константина с его детьми он считает недостойными преемниками Клавдия и Констанция Хлора, тогда как себя самого видит благородным правителем, которому предстоит властвовать «столь долго, сколь возможно». Вероятно, Юлиан, провозглашенный императором в 30 лет, и правда рассчитывал на долгое правление и семейную жизнь (он овдовел в 360 г.), однако в июне 363 г. он погиб во время Персидской кампании. Династия Константина (и Клавдия Готского) завершилась⁵².

Обобщим сказанное. Константин, претендуя на императорский титул в условиях жесткой политической конкуренции, обращается к конструированию своей родословной. Фигуру отца-императора он дополняет предком, выбранным из числа правителей III в. – Клавдием Готским. Скучные биографические сведения, краткое правление, отсутствие внятных сведений о его личной жизни вкупе со славной победой над готами делали его идеальным кандидатом на роль статусного предка. Озвучив претензию на родство с ним, Константин был предельно осторожен: и он сам, и официальные источники предложили минимум конкретики. Практический смысл такой немногословности состоял еще и в том, что образ именитого предка не должен был заслонить фигуру самого

⁵¹ В годы правления Константина погибли его тесть Максимиан Геркуллий, шурин Максенций, зятя (мужья сестер) Бассиан и Лициний (все перечисленные – реальные и потенциальные соперники в борьбе за власть), жена Фауста, сын Крисп, племянник Лициний-мл. Провозглашение сыновей Константина августами летом 337 г. сопровождалось гибелью от рук солдат многих родственников императора – в их числе был и отец Юлиана, Юлий Констанций.

⁵² Дочь императора Констанция и, соответственно, внучка Константина, была выдана замуж за императора Грациана: *Kienast*. 2004: 334. Однако ни он, ни она никак не обозначали своего интереса к фигуре Клавдия. То же можно сказать и об узурпаторе Прокопии, состоявшем в некоем родстве с Юлианом и домом Константина вообще: *Chausson*. 2007: 146–150.

Константина, главное лицо его династии. В итоге включение Клавдия в родословную выполняло свою задачу: оно подкрепляло претензии Константина на императорский титул, а в дальнейшем упрочило статус его сыновей. Константину удалось сконструировать миф об августейшем происхождении своего семейства, при этом немногословность официальных источников указывает на то, что император не стремился кичиться знатностью. Отметим, что Константину удалось убедить римское общество в своем императорском происхождении; и это убежденность была так крепка, что до нашего времени не дошло никаких сомнений древних авторов. Это обстоятельство тем более примечательно, что авторы, доверяя Константину, явно ощущали недосказанность, коль скоро предлагали свои версии генеалогической схемы. Можно предполагать, что члены дома Константина (кроме, вероятно, самого Константина) были убеждены в своем родстве с Клавдием Готским. Более того, Юлиан, убежденный критик своего дяди, пытался обернуть его же оружие против него и представлял его недостойным продолжателем великого предка. За пределами семьи Константина ее претензия на родство с Клавдием Готским имела важный историографический эффект. Клавдий был малозаметной и недолговечной фигурой в истории бурного III в.; известность ему обеспечила победа над готами, однако влияние его на административный аппарат и общество империи были невелики (примечательно, что в Кодексе Юстиниана нам встречается одно его постановление, касающееся вопросов водоснабжения – Cod. Iust. 3.34.6). Однако историки IV в. (Аврелий Виктор и Евтропий) уделяют ему внимание и удостоивают положительных оценок, а в сборнике «История августов» мы находим даже его биографию – образец риторического пустословия, обусловленного скудным фактическим материалом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AE = L'Année Épigraphique.

Aur. Vict. De caes. = Sexti Aurelii Victoris De caesaribus (Секст Аврелий Виктор. «О цезарях»).

Auson. De prof. Burd. = Ausonii De professoribus Burdigalensis (Авсоний. «О преподавателях Бурдигалы»).

CIL = Corpus Inscriptionum Latinarum.

Cod. Iust. = Codex Iustinianus («Кодекс» Юстиниана).

Epitome de caes. = Epitome de caesaribus («Извлечения о цезарях»).

- Euseb. Hist. Eccl. = Eusebii Historia Ecclesiastica (Евсевий. «Церковная история»).
- Euseb. Vita Const. = Eusebii Vita Constantini (Евсевий. «Жизнь Константина»).
- Eutrop. Brev. = Eutropii Breviarium ab urbe condita (Евтропий. «Бревиарий от основания Города»).
- FHG = Fragmenta Historicorum Graecorum (ed. C.V.L. Müller).
- Herod. Hist. post Marc. = Herodiani Historia post Marcum (Геродиан. «История после Марка Аврелия»).
- ILS = Inscriptiones Latinae Selectae (ed. H. Dessau).
- Iul. Caes. = Iuliani Caesares (император Юлиан. «Цезари / Крони»).
- Iul. Orat. = Iuliani Orationes (император Юлиан. «Речи»).
- Origo Const. imp. = Origo Constantini imperatoris (Аноним Вalezия. «Происхождение императора Константина»).
- Pan. Lat. = Panegurici Latini («Латинские панегирики»).
- SNA = Scriptores Historiae Augustae («История августов»)
- Theoph. Chron. = Theophanii Chronographia (Феофан. «Хронография»).
- Zon. Epit. hist. = Ioannis Zonarae Epitoma historiarum (Иоанн Зонара. «Сокращение историй»).

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Византийские историки / переведенные с греческого С.Ю. Дестунисом, примечания Г.С. Дестуниса. СПб., 1860.
- Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / перевод С.П. Кондратьева. М., 1992.
- Император Юлиан. Полное собрание творений. СПб., 2016.
- Латинские Панегирики / вступительная статья, перевод и комментарии И.Ю. Шабаги. М., 2016.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбрехт М. фон.* История римской литературы / пер. А.И. Любжина. Т. 3. М., 2005.
- Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб, 1999.
- Грант М.* Римские императоры / пер. с англ. М. Гитт. М., 1998.
- Миролюбов И.А.* Династическая политика императора Константина Великого. СПб., 2021.
- Миролюбов И.А.* Гай Анний Ануллин – префект Рима на фоне кризиса // Цари. Магистраты. Императоры. Сборник статей, посвященный юбилею В.В. Дементьевой. Ярославль, 2022. С. 212–221.
- Миролюбов И.А.* Константин Великий в трактате «Historia Augusta» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. Т. 27. С. 813–824.
- Молчанов А.А.* Сведения о предках императорской семьи Гордианов в сочинениях Юлия Капитолина (об использовании генеалогических источников римскими историками III–IV вв. н.э.) // *Gaudeamus igitur*: сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 277–285.

- Уильямс С.* Диоклетиан: реставратор Римской империи / пер. с англ. И.И. Хазиной. СПб. — М., 2014.
- Циркин Ю.Б.* Галлиен и сенат // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 23. С. 53–70.
- Циркин Ю.Б.* «Военная анархия» (из политической истории Рима III в. н.э.) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира». 2010. Вып. 9. С. 271–288.
- Шабига И.Ю.* Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997.
- Barnes T.D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge–London, 1982.
- Barnes T.D.* Constantine: Dynasty, Religion and Power in the later Roman Empire. Malden – Oxford–Chichester, 2014.
- Bird H.W.* The Historia Augusta on Constantine’s Lineage // *Arctos*. 1997. № 31. P. 9–18.
- Burgess R. W.* The Summer of Blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine // *Dumbarton Oaks Papers*. 2008. Vol. 62. P. 5–51.
- Cameron A.* Last Pagans of Rome. N. Y., 2011.
- Chausson F.* Stemmata Aurea: Constantin, Justine, Théodose: Revendications généalogiques et idéologie impériale au IV s. ap J. – C. Roma, 2007.
- Corke-Webster J.* Eusebius and Empire. Constructing Church and Rome in *Historia Ecclesiastica*. Cambridge–N. Y., 2019.
- Doležal S.* The Reign of Constantine, 306–337. Cham, 2022.
- Ensslin W.* Dalmatius Censor, der Halbbruder Konstantins I. // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1929. Bd. 78. S. 199–212.
- Gibson R., Rees R.* Pliny the Younger in Late Antiquity // *Arethusa*. 2013. Vol. 46. № 2. P. 141–165.
- Grünewald T.* Constantinus Maximus Augustus. Stuttgart, 1990.
- Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Darmstadt, 2004.
- Kolb F.* Diocletian und die Erste Tetrarchie. B.–N. Y., 1987.
- Körfer A.-L.* Kaiser Konstantin als Leser: Panegyrik, Performance und Poetologie in den *Carmina Optatians*. B.–Boston, 2020.
- Körner C.* Philippus Arabs: ein Soldatenkaiser in der Tradition des antoninisch-severischen Prinzipats. B., 2002.
- Leppin H.* The Church Historians (I): Socrates, Sozomenus, and Theodoretus // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. / ed. G. Marasco. Leiden–Boston, 2003. P. 216–254.
- Nixon C.E.V., Rodgers B.S.* In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini. Berkley–Los Angeles–Oxford, 1994.
- García-Ruiz M.P.* Rethinking the Political Role of Pliny’s Panegyricus in the Panegyrici Latini. // *Arethusa*. 2013. Vol. 46. № 2. P. 195–216.
- Pohlsander H.* Constantia // *Ancient Society*. 1993. № 24. P. 151–167.
- Potter D.S.* Constantine the Emperor. N. Y., 2013.
- Richardson L.* A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. L.–Baltimore, 1992.
- Scardino C.* Praxagoras von Athen // *Handbuch der griechischen Literatur der Antike* / hrsg. B. Zimmermann, A. Rengakos. Bd. 3.1. München, 2022. S. 614–615.
- Vagi D.L.* Coinage and History of the Roman Empire. Chicago–L., 1999.

- Wienand J.* The Making of an Imperial Dynasty. Optatian's carmina figurata and the Development of the Constantinian domus divina // *Giornale Italiano di Filologia*. 2012. № 3. P. 225–265.
- Winkelman F.* Historiography of the Age of Constantine // *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* / ed. G. Marasco. Leiden–Boston, 2003. P. 3–41.
- Woods D.* Numismatic evidence and the succession to Constantine I // *Numismatic Chronicle*. 2011. Vol. 171. P. 193–195.

ABSTRACTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

A.B. Gerstein

IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION

Keywords: impostors, false-rulers, deceivers, society, spiritual culture, everyday practices.

The phenomenon of imposture is considered in the article in the context of the specific state of societies where it appeared. The author pays close attention to the specifics of the perception of medieval impostors by different social groups, the ways of establishing and functioning of everyday and symbolic communication between the deceiver and his sympathisers, collective representations of justice, social order and its violations in different strata of society. The author identifies various forms of imposture — claiming belonging to another ethnicity, profession, or social class, creating fake genealogies, and using the label of impostor as a tool for defaming an opponent in polemical treatises. The goals of such deception could range from delegitimising the opponent to trying to increase one's social status or save one's own life. The author concludes that imposture is a peculiar reaction to a social crisis and simultaneously a way to bring society into balance and restore the 'proper' order of things.

I.A. Mirolyubov

GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY

Keywords. Constantine the Great, Claudius Gothicus, Julian Apostate, Roman Emperors, Later Roman Empire, Prosopography of the Later Roman Empire, Roman aristocracy.

The House of Constantine the Great is one of the most significant imperial dynasties in the history of the Roman Empire. The history of this dynasty begins with the reign of Emperor Constantius Chlorus (reigned 293–305 AD), but his son Constantine in 310 AD announced that the ancestor of the family was Emperor Claudius Gothicus (reigned 268–270). Most modern researchers consider this genealogical construction a fiction. The study of the reasons that prompted Constantine to choose this "ancestor", as well as the means by which the emperor reinforced this genealogical scheme, comes to the fore.

The article deals with the reports of official sources (panegyrics, inscriptions and coins) about the relationship of the house of Constantine with Claudius Gothicus, as well as variants of the genealogical scheme proposed by ancient authors. Their diversity is due to the vagueness of official data: Claudius was presented in them as avus of Constantine, i.e. either his grandfather or ancestor in the general sense of the word. The article also pays attention to the perception of family tree by members of the Constantine's family (his brothers, sons and nephew Julian). Sources at your disposal allow us to assert that the members of the dynasty agreed with the version of kinship voiced by Constantine, but, like him, did not comment on the very degree of that kinship. In addition, Julian even tried to present himself as a more worthy descendant of Claudius Gothicus than his uncle.

S.I. Luchitskaya

«DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?». PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR

Keywords: prophet of Islam, the 'Cluny' collection, Peter the Venerable.

The article examines a phenomenon typical of medieval spiritual and social life—the phenomenon of false prophets or self-proclaimed prophets. The focal point is the treatise of the Cluniac abbot Peter Venerable, where he clearly outlines the criteria for distinguishing a true prophet from a false one and endeavors to demonstrate that the founder of Islam, Muhammad, was a false prophet. The author of the article illustrates that the concepts of a prophet in Islam and Christianity are

significantly different and emphasizes that it is precisely a misunderstanding of these differences that led the church writer to his views on Islam.

L.B. Sukina

TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA
1666
(THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS
GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR
BARANOVICH)

Keywords: Russian tsarist autocracy, House of Romanov, idea of a righteous sovereign, early printed book, theological and political concept.

The author explores the question of how the theme of God’s chosen king’s power was interpreted in the book “Spiritual Sword” of Lazar Baranovich in 1666. The idea of the choice of God of the supreme ruler and the protection of God of righteous sovereigns spread in the culture of the Christian world back in the Middle Ages. In Russia in the 1660s it was updated by a specific set of circumstances: church reform, expansion of the territory of the state through the annexation of new lands by military means, the absolutization of the power of Tsar Alexei Mikhailovich and the expectation of the End of the World. At the same time, the second sovereign of the House of Romanov was interested in additional arguments legitimizing his autocracy, as evidenced by the documents of the Secret Prikaz, concerning rumors about his “illegal” origin, and some details of the conflict between the Tsar and Patriarch Nikon. The article shows how Lazar Baranovich, with the help of scholastic theological and literary techniques, which includes, among other things, abundant quoting, creates a harmonious and convincing concept of the righteous family of the Russian sovereign, a dynasty that found itself at the pinnacle of power by the will of God. According to her, the sovereign Alexei Mikhailovich is not an impostor and an accidental minion of fate, but a God-chosen king, similar to the biblical David, Emperor Constantine the Great and other famous rulers of antiquity. By the right of the chosen of God one, the Russian Tsar wields both swords of power – secular and ecclesiastical.

E.D. Braun

AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY

Keywords: Perkin Warbeck, Impostors, Henry VII, Richard III, Princes in the Tower, British historiography.

In the XVI–XXI centuries, ideas about Perkin Warbeck made a full circle – from the perplexity of contemporaries, through the unconditional rejection of Tudor century, the first attempts to justify Warbeck of the XVII–XVIII centuries, sentimental novels and poems of the XIX century, scrupulous studies of the turn of the XX–XXI centuries, historians returned to the beginning. As well as contemporaries, they distrust the official, Tudor version of events and admit that the real prince, the rightful heir of the Yorks, was sent to the gallows.

The image of Warbeck turned out to be so contradictory because the choice between an "impostor" and a "prince" did not always depend on objective, scientific calculations. Often the decision was determined by an assessment of the Tudor rule and of the preceding period of the Wars of the Roses (especially the personality and reign of Richard III). There were also non-scientific factors. To find an extra-political explanation for Warbeck's success, even under the Tudors he was turned into an immensely charming handsome man, a victim of intrigues. Artists, poets and novelists were happy to exploit and develop this emotional component; as the historical distance lengthened, the image of Warbeck became more and more touching and sentimental.

O.I. Togoeva

IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE

Keywords: The Middle Ages, France, the phenomenon of imposture, professional scammers, cross-dressing, royal legislation, judicial practice.

The article is devoted to the problem of imposture, which is considered in relation to the daily life of marginal strata of society in medieval France. The question is about professional scammers who

acted everywhere and posed as «decent people» for the purpose of personal gain. The main way of such transformations was the cross-dressing, and therefore the article analyzes a few, but vivid judicial cases that testify the use of someone else's (often stolen) clothes to build a new personality. The author notes that, despite the existence of specific criminal cases related to cross-dressing, i.e. stable judicial practice, there was no general royal legislation devoted to this problem in France till the end of the 15th century. Instead of it there were only private legal acts, the effect of which extended only to the population of Paris. This situation was explained, according to the author, by the limited possibilities of the royal justice, its precedent character, as well as the importance of the capital not only as the center of the country, but also as its largest city.

K.S. Khudin

SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC
PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL
COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA

Keywords: social history of medicine, Alltagsgeschichte, Early Modern history, Seventeenth century, Russia, Apothecary Chancery.

The article is devoted to the conflicts between the corporation of doctors of the Apothecary Chancery (Aptekarsky Prikaz) and representatives of other medical practices: private physicians, faith-healer, as well as the perception of such practices in the bureaucratic environment. The author considers bureaucratic mechanisms arising in the course of such conflicts, when the corporation defines a physician as an self-proclamated and, not considering him a part of its group, refuses to recognise his professional competences. At the same time, private practice itself is not a barrier to entry into the professional community, and being labelled an impostor, hence a charlatan, becomes a way of resolving intra- and inter-group conflicts. Such conflicts are different in each of the three examples with representatives of different social groups, but they equally illustrate the fact that a person who commits unconventional actions becomes an impostor in the eyes of the community.

O.V. Okuneva

SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL

Keywords: impostor, Brazil, 16th Century, allies, barter trade, captivity, Hans Staden, Giuseppe Adorno, Anthony Knivet.

The paper deals with the strategy that some Europeans chose in the 16th century Brazil while finding themselves in a hostile environment. Being captured by Indians and destined to death and following anthropophagy, a German soldier Hans Staden, a Genovese captain Giuseppe Adorno and an English adventurer Anthony Knivet decided to appoint themselves as Frenchmen (their captors regarded Frenchmen as friends and trade partners). The Indians’ reaction to the declarations of such “impostors” (including some “tests for identity”) reveals the way the Brazilian Indians considered one European nation as friend and ally rather than another.

A special attention is paid to the cross-verified elements in Staden’s, Adorno’s and Knivet’s stories. This cross-validation is mostly important for Staden’s testimony (most detailed of all): the German author describes his first unsuccessful attempts to save his life by assuming another identity as an act of faith and a miraculous escape, so it is essential to distinguish the facts from the metaphors.

The paper discusses the degree in which Staden, Adorno and Knivet can be considered as impostors. They did not seek to gain something beyond what they had, just to save their lives. So they are more “self-appointed” Frenchmen (in the sense of self-denomination) rather than persistent usurpers of someone else’s identity.

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY

Keywords: History of Sweden, Middle Ages, Catholic Church, monasteries, monastic orders, annals.

Diarium Vadstenense, the chronicle of Vadstena Abbey (the principal cloister of the Birgittine order) is one of the most interesting narrative sources of medieval Scandinavia. The present article focuses

on the types of entries, their aims and their data. I pay attention to individual cases, to data concerning the health and the diseases of the Birgittines, as well as their age and death. I demonstrate that life expectancy of the Birgittines was high enough. Special attention in my article is paid to the question of the character of Vadstena Abbey. Can we regard Vadstena Abbey as a mixed community of men and women, a so-called double cloister? Or should we treat it as two separate monasteries behind one fence? I demonstrate that Vadstena Abbey must be regarded as a single mixed congregation. The brethren and the sisters lived in proximity. Both communities were subject to Mother Superior. The economy was common. Both parts of the monastery interacted constantly. The usual definitions – brethren (*fratres*) and sisters (*sorores*) were of the same type. Both communities are frequently called the same name – a convent, and often the expression “both convents” is used. The level of integration of the two parts of Vadstena Abbey was high; the monastery mentioned must be regarded as a single institution.

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN, THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY

Keywords: history of Russia in the 17th century, Kashinsky district, Kashinsky nobility Bedovy, Troitskiy Makariev Kalyazin monastery, testament, contributions to monasteries, monastery building.

The paper analyzes the life's journey of the Kashin service class man Andrei Semenyovich Bedov. During the Time of Troubles, he consistently served False Dmitry II, after the latter's death he swore allegiance to Prince Vladislav, then, together with Prince Dmitry Timofeevich Trubetskoy, he joipapned the militia of Procopius Lyapunov. At the beginning of the reign of Mikhail Fedorovich, Andrei Bedov was engaged in the restoration of the Kashin estates and, with the help of a fictitious deal with the Archbishop of Tver Arseny Elassonsky, transferred one of the estate villages to a patrimony. In the 30s of the 17th century Andrei Bedov, having received the rank of Moscow

nobleman, served as a governor in Tver, participated in the Smolensk War, and later held administrative positions in Moscow. Andrei Bedov was closely associated with the Makaryev Kalyazin Monastery of St. Trinity, making generous contributions to it, and in 1641 he took monastic vows there with the name Abraham. As a cellarer at the monastery, he supervised the building of the walls around the monastery in 1644-1647 and made a large contribution to their construction. Andrei (Abraham) Bedov died on February 9, 1650, having distributed property, estates and patrimonies among close relatives, people from his circle, as well as monasteries and churches of Kashinsky district.

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT:

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF TWO ÉMIGRÉS

Keywords: revolution, anarchism, the Bolsheviks, dictatorship, disillusionment.

The memoirs of two Russian émigrés, anarchist Emma Goldman and socialist Angelica Balabanoff, recently published in Russia, provide a perspective on the formation of Bolshevik power after the October coup that differs from the Soviet version of events, revealing little-known aspects of the 1917 revolution. Goldman, deported from the United States, highlighted the role of anarchists in revolutionary Russia, portraying them not as a chaotic force but as a socialist movement advocating an alternative to the dictatorship of the proletariat—namely, the development of self-government as called for by Mikhail Bakunin and Peter Kropotkin. Like other opponents of the Bolsheviks, the anarchists were ultimately suppressed.

Balabanoff, a member of the Italian Socialist Party and the RCP(b), and secretary of the Executive Committee of the Comintern, discussed the methods of party building, particularly the Bolsheviks' influence on the split within the international socialist movement.

Having arrived in Russia after the 1917 revolution to support the birth of a workers' and peasants' republic, both women were soon forced to leave, disillusioned by the policies of the Soviet state.

HISTORY OF THE EMOTIONS

K.A. Levinson

“I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND HOW
(NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW STATE
UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND EARLY 1940S.

Keywords: university history, history of emotions, history faculty, Moscow State University, history of Soviet academia.

The article draws on memoirs, questionnaires, letters and diaries of students of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s to examine the practices of expressing anger, rage and similar emotions in this milieu. Representations of such feelings are rare in the ego-documents examined, but still allow us to draw a tentative conclusion about the existence of norms that provided in hierarchical relations for greater freedom to express these feelings ‘top down’ or ‘horizontally’ than ‘bottom-up’. When an expression of anger or rage was felt by the authors to be undesirable, they resorted to three ways of legitimizing it: providing a justification, placing oneself in a morally stronger and more empowered position, or redirecting one’s anger to a legitimate object.

HISTORY OF THE EDUCATION

K.V. Sutorius

THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUJ AND THE
NEW SOURCES ON ITS HISTORY

Keywords: Sophronios Lychudes, teaching of Logic, Moscow Slavo-Greek-Latin academy, handwritten sources, scholastic.

The paper is devoted to a manuscript, which contains a course of Logic, taught in Moscow Slavo-Greek-Latin academy by Sophronios Lychudes at the beginning of the 1690s. The manuscript is housed in the Yaroslavl museum and is still little known to scholars. The paper describes the composition (parts) of the manuscript. It is stated that Logic in Greek, which is presented here, is an unknown copy of Sophronios' course so far. The manuscript is written by more than one hand, and relations of these to other handwritten witnesses related to Moscow academy are considered. The text of Logic from the Yaroslavl manuscript is compared to the text found in records known before in order to determine its place among other witnesses of this course. Both notes in the Yaroslavl manuscript and documents, which have become known recently, allow to reconsider the common dating of Sophronios' Logic. Features of codex put the question about how the instruction of Logic by Sophronios was established, and how his students worked on their notes, on the basis of which we discuss the course. Witnesses of bilingual (Latin/Greek) teaching of Logic are considered in connection with this question. It is argued that the Latin text of Sophronios' Dialectic, known in one codex, was not a translation from Greek.

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

THE STORY OF THE SWAN KNIGHT IN THE EPIC OF THE CRUSADE CYCLE: EPIC POEM, FAIRY TALE, OR COURTLY ROMANCE?

Keywords: epic poems, Old French Crusade cycle, the legend of the Knight of the Swan

Review on *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558). Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.

A.D. Scheglov

THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES

Keywords: review, history of Denmark, Danish annals and chronicles.

Review on **Datskie chroniki XII veka. Perevod s lat., dat., shved. i krit. apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi, O.V. Kutareva i A.B. Rukavishnikova-Radonezhskogo** [Danish Chronicles of the 12th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova, O.V. Kutarev and A.B. Rukavishnikov-Radonezhsky]. Moscow: Russkaya Panorama, 2022. 344 p.; **Datskie annaly XII–XIV vekov. Perevod s latinskogo, datskogo i kriticheskij apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi i O.V. Kutareva** [Danish Annals from the 12th to the 14th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova and O.V. Kutarev]. Saint Petersburg: DMITRY BULANIN, 2024. 368 p.

The review examines the Russian translations of Danish narrative monuments from the 12th to the 14th century – *Chronicon Roskildense*, *Chronicon Lethrense*, *Annales Lundenses* and other texts which serve as valuable sources on the history of medieval Denmark.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Герштейн Анна Борисовна – к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Миролюбов Иван Андреевич – к.и.н., доцент кафедры истории РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева, специалист в области идеологии императорской власти в Древнем Риме, истории Поздней Римской империи, истории дома Константина Великого.

Лучицкая Светлана Игоревна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов, истории рыцарства, христианских представлений об иноверцах, средневековой иконографии.

Сукина Людмила Борисовна – д.и.н., канд. культурологии, доцент; зав. кафедрой подготовки кадров высшей квалификации, профессор Института программных систем РАН, специалист в области российской культуры раннего Нового времени.

Браун Елена Давыдовна – к.и.н., доцент РАНХиГС, специалист по политической истории Англии позднего Средневековья и раннего Нового времени, средневековой английской историографии.

Тогоева Ольга Игоревна – д.и.н., г.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист в области средневекового права и правосознания, средневековой символики, политической и религиозной истории Западной Европы.

Худин Кирилл Станиславович – к.и.н., м.н.с. Отдела специальных исторических дисциплин ИВИ РАН, ведущий сотрудник РГАДА. Специалист по российской истории XVII в.

Окунева Ольга Владимировна – к.и.н., доктор университета Париж-Сорбонна, с.н.с. Отдела новой и новейшей истории ИВИ РАН, специалист по истории европейской экспансии в Новый Свет XVI–XVII вв., раннеколониальной истории Бразилии, формированию образа Другого во Франции раннего Нового времени.

Щеглов Андрей Джолинародович – д.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Швеции в Средневековье.

Олариу Доминик – профессор, в разное время преподавал в университетах Дижона, Марбурга и Дюссельдорфа, специалист по истории искусства Средних веков и раннего Нового времени. Автор книг и статей по истории средневекового портрета и научного знания.

Бисаха Нэнси – профессор Вассарского колледжа (США), автор книг и статей о гуманизме и крестовых походах.

Авдеев Александр Григорьевич – д.и.н., профессор Историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, н.с. Университета Дмитрия Пожарского, специалист по отечественной эпиграфике Московской Руси и ранней Российской империи.

Супоницкая Ирина Марковна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории США XX в., советско-американским отношениям.

Левинсон Кирилл Алексеевич – кандидат исторических наук, доктор философии. Сфера научных интересов – социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Суториус Константин Владимирович – к.и.н., доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, специалист по истории отечественного образования, педагогики Нового времени.

Ведюшкин Владимир Александрович – к.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Испании XV–XVII.

СОДЕРЖАНИЕ

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>А.Б. Герштейн</i> САМОЗВАНЧЕСТВО КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА	5
<i>И.А. Миролубов</i> ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ЧЛЕНАМИ ЕГО СЕМЬИ	17
<i>С.И. Лучицкая</i> «ПРОЗЫВАЕТЕ ЕГО ПРОРОКОМ, СЧИТАЕТЕ ЕГО ПОСЛАНЦЕМ БОГА?» ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ О КРИТЕРИЯХ ОТЛИЧИЯ ИСТИННОГО ПРОРОКА ОТ САМОЗВАНЦА	37
<i>Л.Б. Сукина</i> ЦАРЬ БОГОИЗБРАННЫЙ, А НЕ САМОЗВАННЫЙ В РОССИИ 1666 ГОДА (ТЕМА БЛАГОСЛОВЕНИЯ РОДА ПРАВЕДНЫХ ГОСУДАРЕЙ В «МЕЧЕ ДУХОВНОМ» ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА)	53
<i>Е.Д. Браун</i> САМОЗВАНЕЦ ИЛИ ВСЁ-ТАКИ ПРИНЦ? ПЕРКИН УОРБЕК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЧАН	70
<i>О.И. Тогоева</i> МНИМЫЕ БОГАЧИ И ПОДДЕЛЬНЫЕ НИЩЕ: УЛИЧНЫЕ МОШЕННИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ	95
<i>К.А. Худин</i> ВРАЧИ-САМОЗВАНЦЫ И ВРАЧИ-ШАРЛАТАНЫ: ПРИЗНАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ XVII ВЕКА	111

- О.В. Окунева*
САМОНАЗВАННЫЕ ФРАНЦУЗЫ И «БРАТЯ ФРАНЦУЗОВ»
В БРАЗИЛИИ XVI ВЕКА 129

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ

- А.Д. Щеглов*
ВАДСТЕНСКИЙ ДИАРИЙ И ВАДСТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ 159

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОРТРЕТА

- Д. Олару*
ТЕЛО И ПОРТРЕТ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
ВЫСТАВЛЕНИЕ ТЕЛ УСОПШИХ, ПОСМЕРТНЫЕ
МАСКИ И МИМЕТИЧЕСКОЕ НАДГРОБНОЕ
ИЗОБРАЖЕНИЕ (*пер. С.И. Лучицкой*) 195

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

- Н. Бисаха*
ПАПА ПИЙ II И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
(*пер. С.И. Лучицкой*) 228

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

- А.Г. Авдеев*
АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ БЕДОВ: КАШИНСКИЙ
СЛУЖИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, МОСКОВСКИЙ ДВОРЯНИН,
ВОЕВОДА, МОНАХ, СТРОИТЕЛЬ СТЕН
КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ 252

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

- И.М. Супоницкая*
ЭВОЛЮЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ: РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 Г. ГЛАЗАМИ ДВУХ ЭМИГРАНТОК 285

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ*К.А. Левинсон*

«А НЕНАВИДЕТЬ У МЕНЯ ЕСТЬ КОГО»:
ЗЛОСТЬ, ГНЕВ И ИХ (НЕ)ВЫРАЖЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ 30–40-Х ГОДОВ XX ВЕКА 334

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ*К.В. Суториус*

КУРС ЛОГИКИ СОФРОНИЯ ЛИХУДА И НОВЫЕ
ДОКУМЕНТЫ ПО ЕГО ИСТОРИИ 354

РЕЦЕНЗИИ*С.И. Лучицкая*

ЛЕГЕНДА О РЫЦАРЕ ЛЕБЕДЯ
(рец.: *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du
Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558).
Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation
par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.) 386

А.Д. Щеглов

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ДАТСКИХ ХРОНИК
(рец.: Датские хроники XII века / Перевод с лат., дат.,
швед. и крит. аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова,
О.А. Маркеловой, О.В. Кутарева и
А.Б. Рукавишников-Радонежского.
М.: «Русская панорама», 2022. 344 с.;
Датские анналы XII–XIV веков / перевод с латинского,
датского и критический аппарат А.С. Досаева,
И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой и О.В. Кутарева.
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2024. 368 с.) 396

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Д.Э. Харитоновичу — 80 лет 401

IN MEMORIAM

А.Ф. Кофман (17.08.1954 – 16.05.2024)	404
ABSTRACTS	413
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	424
СОДЕРЖАНИЕ	426
CONTENTS	430

CONTENTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

<i>A.B. Gerstein</i> IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION	5
<i>I.A. Mirolyubov</i> GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY	17
<i>S.I. Luchitskaya</i> «DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?» PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR	37
<i>L.B. Sukina</i> TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA 1666 (THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR BARANOVICH)	53
<i>H.D. Braun</i> AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY	70
<i>O.I. Togoeva</i> IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE	95
<i>K.S. Khudin</i> SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA	111

- O.V. Okuneva*
 SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S
 BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL 129

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

- A.D. Scheglov*
 DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY 159

ON HISTORY OF MEDIEVAL PORTRAIT

- D. Olariu*
 BODY AND PORTRAIT IN THE LATE MIDDLE AGES.
 DEMONSTRATION OF THE BODIES OF DEAD, DEATH
 MASKS AND MIMETIC FUNERAL IMAGE 195

THE OTHER HISTORY OF THE CRUSADES

- N. Bisaha*
 POPE PIUS II AND THE CRUSADE 228

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

- A.G. Avdeev*
 ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS
 MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN,
 THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE
 WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY 252

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

- I.M. Souponitskaya*
 EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT: THE RUSSIAN
 REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF
 TWO ÉMIGRÉS 285

HISTORY OF THE EMOTIONS*K.A. Levinson*

- I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND
HOW (NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW
STATE UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND
EARLY 1940S. 334

HISTORY OF THE EDUCATION*K.V. Sutorius*

- THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUD AND
THE NEW SOURCES ON ITS HISTORY 354

REVIEWS*S.I. Luchitskaya*

- THE STORY OF THE SWAN KNIGHT 386

A.D. Scheglov

- THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES 396

ANNIVERSARIES

- THE 80th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH
KHARITONOVICH 401

IN MEMORIAM

- A.F. KOFMAN (17.08.1954 – 16.05.2024) 404

- ABSTRACTS 413

- LIST OF OUR AUTHORS 426

- CONTENTS 430

Одиссей. Человек в истории

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И
САМОЗВАНЧЕСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
2024 №№1-2 (32-33)

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024 г.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объём – 27 усл.-печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод —
100 экз.)
Зак. №

Ленинский проспект, 32а